

УДК 902/903(476.4)«04/14»

**«СИДЯЧИЕ» ПОГРЕБЕНИЯ КУРГАННЫХ НЕКРОПОЛЕЙ МОГИЛЕВСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ
В ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ**

*магистр ист. наук А.М. АВЛАСОВИЧ
(Институт истории НАН Беларуси)*

Рассматривается феномен сидячего положения костяков в курганных насыпях Могилевского течения Днепра. Изучается проблема происхождения данной обрядности на указанной территории, а также ее социокультурный контекст. Археологические исследования показывают, что такое положение тела умерших неразрывно связано с внутрикурганными деревянными конструкциями. Анализ двух указанных аспектов в данной обрядности позволяет предполагать скандинаво-славянский синтез культурных традиций. На основании археологического изучения кургана № 58 у д. Студенка Быховского р-на автором реконструируется погребальная обрядность обнаруженного женского захоронения в сидячем положении. Сравнительный анализ комплексов с «сидячими» костяками в некрополях X – XII стст. Скандинавии, Восточной Европы позволяет делать выводы о социальном статусе умерших. Другим аспектом настоящего исследования является дреговичско-радимичское пограничье в пределах региона. Археологические данные подтверждают территориальное взаимопроникновение представителей двух восточнославянских племенных союзов на несколько десятков километров.

Введение. Первые раскопки курганных древностей на территории Могилевского Поднепровья были проведены в начале XIX ст. капитаном русской армии Т.Е. Нарбутом [1, с. 3]. В последующем исследование курганных древностей проводили Н.П. Нечаев, Н.М. Турбин, А.С. Уваров, Н.П. Авенариус, С.Ю. Чоловский и М.В. Фурсов, П.М. Еременко, Е.Р. Романов [1, с. 4; 21; 2, с. 18 – 19, 122 – 123, 147; 3; 4, с. 45 – 50; 5; 22; 6, с. 5 – 9].

В 1920-е годы обследование и раскопки насыпей осуществлял И.А. Сербов [7, с. 17 – 18; 8, с. 276, 278 – 279]. В 1960-е годы активную исследовательскую работу проводили Л.Д. Поболь, Т.Д. Елисеева, Г.Ф. Соловьева [2, с. 122, 133, 142, 146; 9; 10].

С 1969 г. археологические раскопки курганных некрополей Могилевского Поднепровья начал проводить Я.Г. Риер. Ученый внес неоценимый вклад в изучение данного вида памятников. Многолетняя плодотворная работа исследователя значительно расширила круг научных знаний о сельском обществе Восточной Европы в X – XIII вв. [11 – 16]. Следует отметить огромный вклад могилевского археолога В.Ф. Копытина. В 1993 г. ученый провел сплошное обследование Быховского района. Результатом его исполненной работы стала монография «Археологические памятники Быховского района Могилевской области», которая содержит реестр всех известных курганных могильников района, а также составленные автором их подробные описание и планы [2].

В настоящее время активное исследование древнерусских погребальных памятников проводит И.А. Марзалюк. Археологические раскопки могильника Восход позволили ученому установить принадлежность данного некрополя представителям сельского дружинного сословия [17, с. 47 – 50]. С 2013 г. самостоятельное археологическое изучение курганных древностей осуществляет автор настоящей статьи.

Основная часть. Летом 2014 г. археологической экспедицией Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова под руководством автора настоящей статьи были осуществлены раскопки в курганной группе у деревни Студенка Быховского района. В настоящее время указанный некрополь насчитывает 107 насыпей. Могильник ранее не исследовался. Курганы имеют полусферическую форму, округлые в плане. Их высота варьируется от 0,4 до 2,8 м, диаметр оснований – 5 – 16 м. У большинства насыпей прослеживаются ровики с перемычками.

Для исследования мною был выбран курган № 58 (согласно нумерации В.Ф. Копытина). Насыпь располагалась в северо-восточной части могильника, имела оплывшие западную и южную стороны. Высота кургана составляла 2,12 м и имела размеры основания 10,38 м по линии С-Ю и 11,09 м по линии В-З. Методика раскопок заключалась в снятии грунта условными пластами (0,2 м) в четырех секторах, образованных двумя перпендикулярными бровками, ориентированными по сторонам света. Разметкой периметра раскопок было включено прилегающее к кургану пространство. Данный прием позволил зафиксировать и исследовать прилегающие ровики. Указанным образом раскопки проводились на снос с последующим восстановлением кургана.

Насыпь состояла из песка светло- и темно-желтого цветов. При снятии первого пласта и разработке второго во всех секторах начали встречаться вкрапления угля, который продолжал фиксироваться до выхода на нижний зольник. В юго-восточном и юго-западном секторах при разработке восьмого и четвертого пластов были обнаружены фрагменты обгоревшего дерева и значительное количество углей. При снятии

бровок в центре насыпи на глубине 0,7 м от дневной поверхности находился череп и лучевые кости скелета. Лицевая часть была обращена на юг с некоторым отклонением к западу. Южнее и ниже черепа находились реберные кости и позвонки. При дальнейшей расчистке погребения были обнаружены кости таза, которые находились на 0,7 м ниже черепа. Кости ног зафиксированы на нижнем зольнике. Они располагались южнее таза и не сохранили полного анатомического порядка. Описанное положение костей скелета позволяет заключить, что погребение было произведено в сидячем положении (рис. 1).

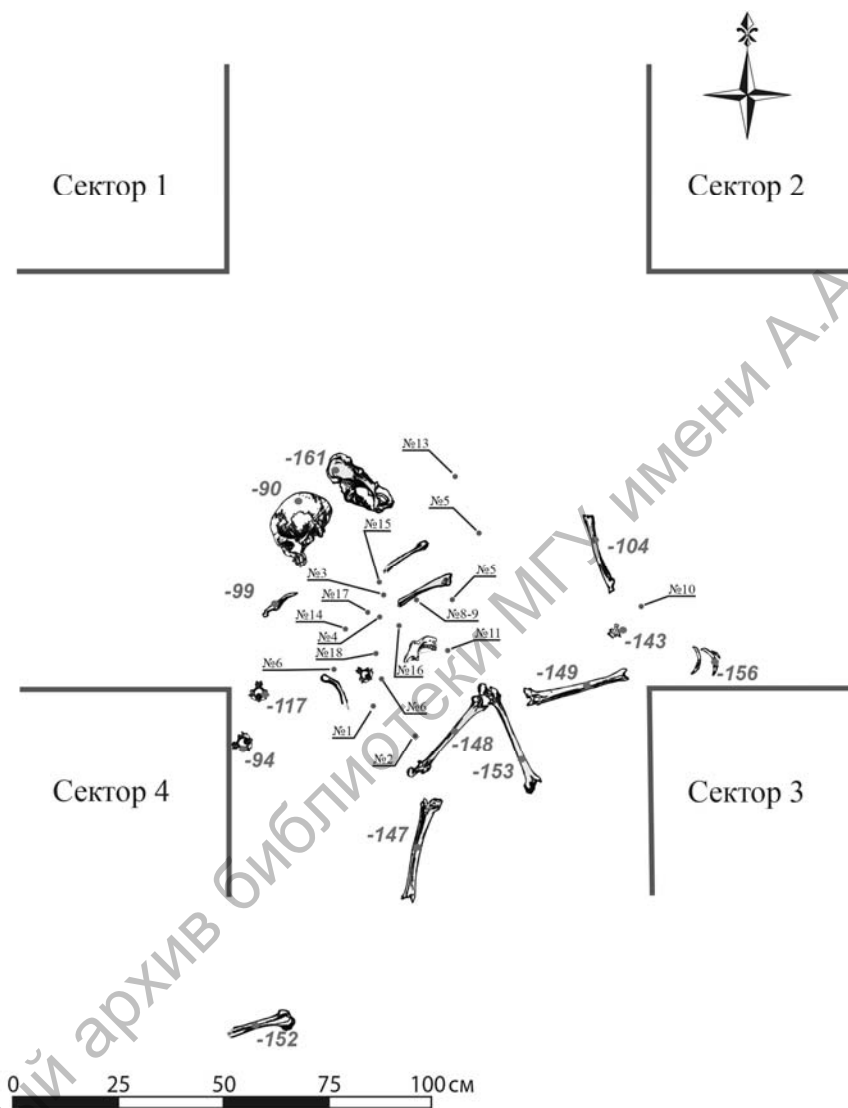

Рис. 1. План погребения кургана № 58 могильника Студенка:
1 – височное кольцо; 2 – 11 – рыбовидные подвески; 12 – перстень; 13 – нож;
14 – 17 – сердоликовые бусины; 18 – золоченая бочковидная бусина

Ориентировка черепа указывает на расположение тела спиной к северу. Этот же вывод подтверждают положение костей ног относительно таза. Нарушенное анатомическое положение бедренных и берцовых костей может являться следствием согнутого положения ног при погребении. Следует думать, что в процессе разложения тела и оседания насыпи произошло смещение костей нижних конечностей.

При костяке были обнаружены 10 рыбовидных подвесок с прикипевшим рубленным бисером желтого цвета, две подвески отличались нестандартной формой – имели фигурные бока (рис. 2:1), 1 простой пластинчатый перстень с сомкнутыми концами (рис. 2:2), 4 плитчатые со срезанными углами сердоликовые бусины (рис. 2:3), 1 золоченая бочковидная бусина (рис. 2:4), 1 браслетообразное с заходящими концами височное кольцо (рис. 2:5) и 1 железный нож в ножнах (рис. 2:7), располагавшийся на уровне таза. При исследовании песчаной подсыпки в западной стороне от погребения был обнаружен профиль гончарного горшка (рис. 2:6).

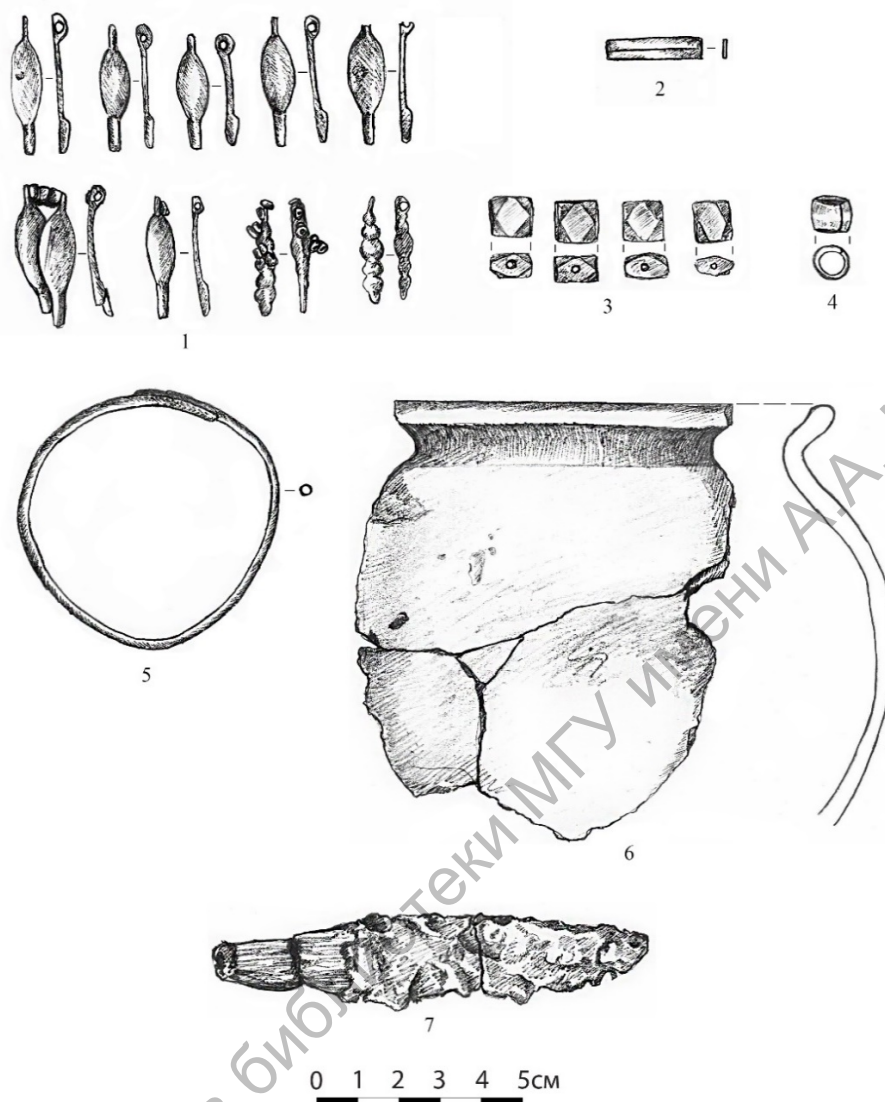

Рис. 2. Погребальный инвентарь кургана № 58 могильника Студенка:
 1 – рыбовидные подвески; 2 – перстень; 3 – сердоликовые бусины; 4 – золоченая бочковидная бусина;
 5 – височное кольцо; 6 – профиль горшка; 7 – нож (рис. Е.В. Кузиной)

Большое количество углей и фрагментов обгоревшего дерева указывают на наличие деревянной конструкции. Более надежным тому подтверждением служит стратиграфическая характеристика самой насыпи. На профилях кургана четко прослеживается нижний зольник, проходящий ровной линией от центра насыпи к ее окраинам. Далее он упирается в горизонтальные зольные прослойки шириной до 0,3 м, которые поднимаются вверх на высоту 0,7 – 0,8 м. Зафиксированные зольные прослойки являются остатками сгоревших стен деревянного сооружения. Расстояние между северной и южной, а также западной и восточной стенами составило 4,3 м. Исходя из размеров зольных очертаний следует, что деревянная конструкция сооружалась из плах толщиной 0,07 – 0,09 м и шириной 0,28 – 0,3 м. При расчистке костяка непосредственно у нижнего зольника находились обгоревшие фрагменты дерева, которые указывают на наличие дощатого пола или настила. Строение также имело крышу. Стратиграфические ее очертания (нисходящая от центра насыпи линия зольного слоя до очертания стен) особенно четко зафиксированы на профиле по линии С-Ю. Под нижним зольником находилась песчаная подсыпка мощностью 0,5 м (рис. 3).

Также следует отметить, что за пределами и в рамках указанных прослоек отмечен песок светло-желтого цвета, что контрастно выделяет все зольные прослойки, которые находились на песке темного цвета.

Такая характеристика профилей и нахождение костных останков позволяют следующим образом реконструировать погребальный обряд кургана № 58¹. На выбранном месте будущего захоронения была произведена песчаная подсыпка высотой 0,5 м. Далее из плах указанных размеров на подсыпке была сооружена погребальная конструкция – теремок, с дощатым полом (настилом). Размеры постройки составили 4,3 x 4,3 м при высоте 1,2 – 1,25 м. В данном теремке было помещено тело женщины в сидячем положении спиной к северу. Предположительно после этого над постройкой возвели крышу. находка профиля горшка у западной стены постройки может указывать на совершение ритуального разрушения сосуда в качестве элемента погребальной обрядности [18, 70]. Далее «домик мертвых» предали огню. Обгоревшие фрагменты дерева свидетельствуют о сгорании теремка не полностью, но в значительной степени с последующей его засыпкой. С северной и южной сторон кургана выявлены ровики глубиной более 1 м. Следует предположить, что песок для подсыпки брался именно отсюда. После этого в ровиках были разведены ритуальные костры как часть погребального ритуала. На это указывает нахождение углей в их заполнении (рис. 4). Изучение краниологических останков позволило установить, что погребение принадлежало женщине в возрасте более 50 лет².

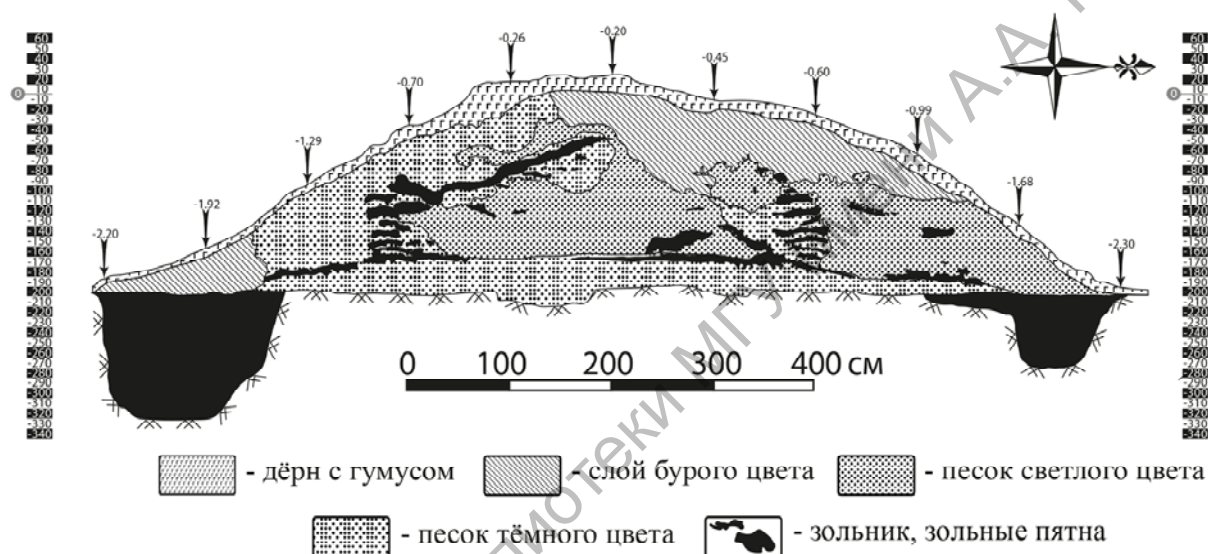

Рис. 3. Профиль кургана № 58 по линии север-юг

Рис. 4. Предполагаемая реконструкция погребального обряда кургана № 58 могильника Студенка (рис. Е.В. Кузиной)

¹ Я благодарен своему научному руководителю д-ру ист. наук, проф. И.А. Мразалюку за ряд ценных и профессиональных консультаций по вопросам настоящего исследования.

² Определение антрополога, аспиранта отдела антропологии и экологии ИИ НАН Беларуси В. Шипилло.

При сгорании и обрушении теремка тело сместилось вперед, в южную сторону, о чем свидетельствует расположение нагрудных и головных украшений юго-западнее черепа, на уровне груди и живота.

Инвентарь кургана типичен для погребений радимичей. Весьма характерными с этнической точки зрения являются рыбовидные или язычковые подвески, датируемые преимущественно XI ст., к этому же времени относится простой пластинчатый перстень с сомкнутыми концами [15, с. 23]. Сердоликовые плитчатые со срезанными углами бусины бытовали на территории Верхнего течения Днепра с конца X и весь XI в. [15, с. 20]. Золоченые бочковидные бусины были распространены в Могилевском Поднепровье в конце X – начале XII в. [15, с. 20]. Браслетообразные с заходящими концами височные кольца, как замечено Я.Г. Риером, на территории Могилевского течения Днепра преимущественно распространены в погребениях радимичей в пограничных с кривичами могильниках. Датируются концом X – началом XII ст. [15, с. 18]. Основная масса желтого пастового рубленного бисера приходится на конец X – первую половину XI ст. [19, с. 173]. Профилировка венца горшка характерна для сосудов XI ст. Этим же временем следует датировать находку ножа.

Исходя из указанных хронологических рамок бытования сопровождающего инвентаря, погребение радимичанки в кургане № 58 могильника Студенка могло быть совершено в конце X – XI ст. С устных замечаний канд. ист. наук А.В. Войтеховича, сочетание украшений в погребальном инвентаре позволяет сузить датировку погребения серединой XI в.³

На территории современной Могилевской области погребения в теремках известны в 13 курганных могильниках. Их картографирование показывает использование данного элемента в погребальной обрядности преимущественно на правобережье Днепра и в бассейне Березины. Захоронения в сидячем положении на территории указанного региона обнаружены не менее чем в пяти некрополях и в трех из них умершие находились в теремках (Новый Быхов, Эсьмоны, Студенка). В курганной группе Лудчицы сидячее погребение женщины 25 – 30 лет располагалось на доске⁴. Тело умершей было ориентировано спиной на запад, ноги скрещены, руки опущены вниз вперед [15, с. 186 – 187]. Общее количество «сидячих» костяков в курганах исследуемого региона – 9 (Лудчицы – 1, Дымово – 1, Новый Быхов – 3, Эсьмоны – 3 (4?), Студенка – 1). Из них пять достоверно являются женскими, при этом в двух погребениях обнаружены «этнические маркеры» (Студенка и Эсьмоны). Четыре могильника расположены в течении Днепра, один в бассейне р. Березины.

Относительно такого явления, как сидячее положение в погребальной обрядности восточных славян, существует несколько точек зрения. Прежде всего следует отметить, что наибольшее их число встречено при исследовании курганных погребений Ижорского плато (запад Ленинградской области), однако доминирующим способом погребения в данной местности все же являлось труположение в вытянутом на спине положении. По моему мнению, наиболее обоснованной относительно генезиса исследуемой обрядности является точка зрения Ю.М. Лесмана. Исследователь в своих ранних работах указывал на распространенность камерных сидячих погребений в Скандинавии, но при этом отрицал их связь с подобными захоронениями в Северной Руси [20, с. 55]. Однако спустя почти два десятилетия с накоплением новых археологических источников, Ю.М. Лесман существенно скорректировал свою гипотезу. Согласно ей, в X в. традиция погребения умерших сидя проникает на территорию Руси вместе с выходцами из Скандинавии [21, с. 80]. При стремлении к подражанию элитарной воинской культуре на Руси происходит рецепция данного типа погребального обряда со стороны местной социальной верхушки. В XI ст. воспринявшие погребения сидя в качестве одного из показателей своего доминирования в обществе представители власти приносят данную традицию в сельскую среду [22, с. 180 – 183]. Следует подчеркнуть, что для населения Скандинавии той эпохи сидячее положение умершего было характерно именно для камерных погребений.

В погребальных памятниках X – XI вв. Южной Руси камерные захоронения представлены значительной серией. Среди них также встречены сидячие погребения, которые имеют особое значение для настоящего исследования. Грунтовое парное погребение № 111 из Киева, в котором скелет женщины находился в сидячем положении, по мнению киевского археолога А.П. Моци, могло являться скандинавским, как и камерные сидячие погребения в курганах № 42 и 110 Шестовицкого некрополя [23, с. 115, 119].

Среди курганных захоронений в Гнездово известно несколько десятков камерных захоронений. В пяти женских погребениях костяки располагались в сидячем положении, что является характерной чертой камерных погребений Бирки [24, с. 208]. Подобные погребения также хорошо известны в Дании и Норвегии. Принадлежность умерших к социальным верхам скандинавского общества подтверждается

³ Благодарю заведующего отделом сохранения и использования археологического наследия ИИ НАН Беларуси канд. ист. наук А.В. Войтеховича за любезные консультации и помощь в поиске литературы.

⁴ Выражаю слова глубокой признательности д-ру ист. наук, проф. Я.Г. Риеру за предоставленную возможность работы с отчетами археологических раскопок.

исследованиями камерных погребений в Хеннинкире, Еллинге и Маммен, в которых были похоронены представители королевской семьи и члены знатных датских фамилий [25, с. 151].

Особое внимание элитарным погребениям уделено в работах Санкт-Петербургского исследователя К.А. Михайлова. Рассматривая детские погребения эпохи Киевской Руси, автор приводит несколько любопытных примеров. Во-первых, это камерное погребение № 110 в Киеве. В нем мальчик располагался в сидячем положении в деревянном срубе с перекрытием. При умершем находился невероятно богатый сопровождающий инвентарь, не характерный для детского захоронения. Среди артефактов следует отметить серебряные украшения, 157 бараньих астрагалов для игры в «бабки», остатки двух ведер, железный топор, часть бронзовых весов, бусы из раковин *unio*, костяной гребень [25, с. 154]. Второе погребение принадлежало девочке 11 – 12 лет. Оно также было обнаружено в Киеве под развалинами Михайловской церкви Златоверхого монастыря. Умершая находилась в сидячем положении в срубе с дощатым полом и крышей. Девочку украшали ожерелье, четыре серебряных перстня, сканные подвески. В камере находились деревянный сундук с железными оковками, костяной наборный гребень в футляре, железный ключ, ведро, остатки заупокойной пищи. Комплекс датирован последней четвертью X ст. [25, с. 154].

Аналогичное детское погребение К.А. Михайлов нашел в погребении № 977 могильника Бирка. Здесь мальчик 9 лет также находился в сидячем положении в погребальной камере. Его сопровождали верховой конь, щит, меч, стрелы, «шумящая» плетень, ведро и сундук. Одежда погребенного была расшита золотой нитью [25, с. 156]. Приведенные примеры и аналогии красноречиво доказывают скандинавское происхождение сидячих погребений и указывают на их высокое положение в обществе.

Нет никаких оснований для причисления сидячих погребений Могилевского Поднепровья к числу древностей скандинавского круга. Однако в конце XIX ст. в некрополе у д. Лудчицы, еще до открытия здесь Я.Г. Риером женского захоронения в сидячем положении, была обнаружена фигурка «скифа»⁵ с кольцом в правой руке и мечом у пояса [5, с. LXXVI]. Согласно исследованиям Санкт-Петербургского археолога А.Е. Мусина, фигурка «скифа» становится в один ряд со скандинавскими «кольцами клятвы», отражавшими обязательства общины перед тингом [26, с. 568]. Минский археолог Ю.А. Заяц отмечал характерное для скандинава одеяние фигурки человечка. Исследователь высказал вероятность отождествления данного изображения с конунгом Олафом – «дарителем колец» [27, с. 31]. Таким образом, указанный артефакт может свидетельствовать о связи населения быховского микрорегиона с носителями культурных традиций Скандинавии, и, возможно, связи не только сугубо экономической.

При рассмотрении «элитарности» того или иного погребения внимание исследователей часто заостряется на представительности сопровождающего инвентаря. Находки из некоторых сидячих погребений на территории исследуемого региона действительно не отличаются богатством.

Однако, как показывают последние исследования, многочисленный погребальный инвентарь в ряде случаев может, напротив, отражать низкое или даже подчиненное положение в обществе. К таким выводам пришла А.А. Тодорова на основании изучения бусин из дружинных некрополей Гнездово, Шестовица, Тимерево и Киева. Анализ бусин в погребениях позволил исследовательнице, что женщины, имевшие высокое положение в обществе, не носили ожерелий из большого количества недорогих однотипных бус. Они предпочитали комбинированные ожерелья из каменных и стеклянных экземпляров [28]. Следует отметить, что в состав ожерелья изученного мною женского погребения входили 4 бусины из сердолика (каменная порода), одна стеклянная золоченая бусина и желтый пастовый бисер.

Также отдельно следует выделить сидячее погребение кургана № 2 у Нового Быхова. При женском костяке находились фрагменты шелковой материи с зелеными окислами бронзового изделия, 2 неспянных бронзовых перстня и колечко, а также различного рода бусы (коралловые, сердоликовые, стеклянные, золото- и серебростеклянные, фрагменты стеклянного браслета) [6, с. 7]. Следует заметить, что стеклянные браслеты являлись элементом женского городского костюма в древнерусский период [29, с. 86]. Шелковые ткани могли быть исключительно привезены из Византии или Ирана [30, с. 21], также как украшения из коралла, вероятнее всего, происходят из Западного Средиземноморья [31, с. 381]. Указанные предметы импорта могли быть доступны преимущественно представителям элиты общества и являются маркером высокого статуса погребений с подобными артефактами.

Ответ на вопрос о соотношении камерных погребений и бедного сопровождающего инвентаря в них был предложен К.А. Михайловым. Согласно исследователю, к элите в обществе относилась вся группа носителей данной обрядности, однако достаток отдельных ее членов мог разительно отличаться [30, с. 22]. Таким образом, если предложенная гипотеза верна, то камерные погребения прежде всего являются показателем высокого социального положения умершего, в то время как сопровождающий инвентарь отражает лишь его благосостояние.

⁵ Под указанным названием данный артефакт фигурирует в публикациях автора раскопок – С.Ю. Чоловского.

Не противоречит высказанной точке зрения и замечание Ю.М. Лесмана, согласно которому в большинстве регионов Руси данная традиция принимает маргинальный характер. Примером этого, по мнению ученого, служат сидячие погребения могильника у д. Эсьмоны [22, с. 183].

Кроме сопровождающего инвентаря важным показателем социального статуса являются размеры погребальной конструкции. В научной литературе отмечается, что срубы больших размеров относятся к категории наземных погребальных камер. В частности сруб с кремацией, обнаруженный в могильнике у п. Озерцо (Минский район), имел размеры 5,0 x 4,8 м при высоте 1 м. По мнению А.В. Войтеховича и С.Д. Дерновича такие размеры следует считать признаком элитарности погребения, на это указывает и обнаруженная в погребении накладка от наборного пояса [32, с. 304]. На территории изучаемого региона в дореволюционное время размеры погребальных сооружений зафиксированы Е.Р. Романовым в Новом Быхове. В кургане № 1 постройка имела размеры около 2,84 x 6,39 м, в кургане № 2 около 4,97 x 4,26 м, в кургане № 4 около 6,39 x 4,97 м [6, с. 6 – 9]. Следует заметить, что сооружение «домика мертвых» требовало определенных трудозатрат и материальной обеспеченности, которые значительно превышали усилия и затраты при совершении труположения без постройки в кургане. Данное обстоятельство служит дополнительным аргументом в пользу определения погребенных в теремках как представителей верхней страты общества.

Необходимо отметить, что сооружение деревянных внутрикурганных конструкций для восточных славян не является новшеством. В языческом погребальном обряде Райковецкой культуры (VIII – X вв.) трупосожжения также в ряде случаев помещались в деревянных срубах или корытах. По мнению украинских археологов, данное обстоятельство может являться свидетельством погребения личности с особым статусом в обществе [33, с. 22].

Из этого наблюдения следует, что отличительной чертой славянских и скандинавских элитарных погребений является наличие деревянных сооружений.

В научной среде вопросы семантики, как правило, являются предметом особенно жарких дискуссий. Однако точка зрения о значении внутри курганных деревянных сооружений в качестве дома для умершего является общепринятой [23, с. 15; 34, с. 43]. На это указывает множество деталей: срубная или столбовая конструкция сооружений, в некоторых случаях зафиксированы остатки крыши и пола. Новейшие исследования курганных погребений лишь подтверждают заложенную идею дома в курганах. Ценный материал получен при раскопках могильника у д. Прилуки (Минский р-н). В одном из погребений была обнаружена деревянная конструкция 4 x 3 м при высоте 0,7 м. Примечательным является нахождение в северо-западном углу постройки имитации печи-каменки [32, с. 304].

Как уже было отмечено, теремки в погребальном обряде и сидячее положение покойников в курганных некрополях Могилевского Поднепровья и Посожья встречаются в основном на правом берегу Днепра. В научной литературе отмечается, что данная территория была заселена племенами дреговичей.

В первом восточнославянском письменном источнике – «Повести временных лет», содержатся указания относительно расселения племенных объединений славян в восточной Европе. С конца XIX ст. свидетельства Нестера-летописца стали основой в составлении этнической карты изучаемого региона. Текст летописи, подкрепленный археологическим материалом («этническими маркерами»), позволил утверждать, что на территории Быховского Поднепровья были расселены два восточнославянских племенных союза – дреговичи и радимичи.

Согласно Ипатьевскому списку Повести временных лет, племена дреговичей расселились между реками Припять и Западная Двина, а племена радимичей заняли бассейн реки Сож [35, с. 5].

Одним из первых составителей этнической границы дреговичей и радимичей был Б.А. Рыбаков. В своем труде «Радзімічы» исследователь в рамках быховского микрорегиона проводил ее с юга по Днепру до Старого Быхова и далее на северо-восток [36] определено по реке Днепр. Северную границу расселения дреговичей исследователь определил от Ново-Быхова на северо-запад по водоразделу рек Друть и Березина к Борисову [37, с. 29]. Северо-западная и западная граница расселения радимичей, по мнению ученого проходила южнее Старого Быхова – севернее Славгорода и далее на восток [37, с. 39].

Согласно исследованиям В.В. Седова, границей, разделяющей земли дреговичей и радимичей, являлось крупное водное препятствие – река Днепр. Однако на территории современных Быховского и Рогачевского районов отмечены курганные группы, материалы которых указывает на «вклинивание» представителей двух различных восточнославянских союзов племен на территорию соседей [38, с. 116]. П.Ф. Лысенко, исследуя дреговичские древности, определял дреговичско-радимичское пограничье в тех же границах, что и В.В. Седов [39, с. 100, рис. 16].

В курганном некрополе у деревни Вотня Н.П. Нечаевым при раскопках двух насыпей был получен богатый погребальный инвентарь из женских захоронений. Среди украшений найдены два семилучевых височных кольца, которые являются отличительным элементом радимичского женского костюма

[40, с. 212]. В курганной группе южнее г. Быхова Г.Ф. Соловьевой в двух женских погребениях были обнаружены по одному трехбусинному височному кольцу [9, с. 20 – 21]. Как известно, указанные височные кольца являются отличительным элементом дреговичского женского костюма. П.Ф. Лысенко в своем труде «Дреговичи» в приведенном каталоге отмечает, что Е.Р. Романовым в 1905 г. при раскопках курганного могильника у Нового Быхова были обнаружены дреговичские крупнозерновые бусы [39, с. 228]. Ученый ссылается на публикацию Е.Р. Романова в Записках Северо-Западного отдела Русского географического общества [41, с. 37 – 41]. Однако в указанном источнике подобные сведения отсутствуют, как и отсутствуют они в отдельной брошюре Е.Р. Романова, посвященной исследованиям в Могилевской губернии [6, с. 5 – 9]. В отчетах Императорской археологической комиссии за 1905 г. о находках крупнозерновых бус в могильнике Новый Быхов также нет никаких указаний [42, с. 78 – 80].

Также известно о раскопках Г.И. Ионе в 1964 г. пяти насыпей у деревни Веть, результаты раскопок не были опубликованы. Известно, что исследователем были обнаружены радимичские женские украшения (бронзовые височные кольца и браслеты) [2, с. 142].

Заключение. Таким образом, анализ представленного материала позволил сделать следующие выводы:

1. Исследование курганных древностей Могилевского Поднепровья и Посожья имеет более чем двухсотлетний опыт накопления археологических знаний о погребальных памятниках эпохи Киевской Руси. Открытые материалы позволяют, в частности, делать выводы о этнокультурных процессах и социально-политических изменениях в рассматриваемом регионе.

2. В ходе летних раскопок 2014 г. автором настоящей работы был исследован курган № 58 могильника у деревни Студенка Быховского района. В насыпи обнаружен достаточно редкий погребальный обряд – ингумация в сидячем положении. Женщина была помещена в деревянную конструкцию-теремок, который был сожжен, а над ним возведена насыпь. Сопровождающий материал позволяет датировать погребение концом X – XI ст.

3. Практика погребений в сидячем положении наиболее широко была распространена на севере Руси. Она связывается с выходцами из Скандинавии и представителями социальных верхов, подорожавших варягам. Традиция сооружения внутрикурганных деревянных конструкций была известна славянам в еще VIII – X стст. и, по мнению ряда ученых, могла отражать высокое социальное положение в обществе. Исходя из этого автором данной статьи высказано в качестве рабочей версии предположение о возможном сочетании в погребальной обрядности сидячих захоронений Могилевского Поднепровья как скандинавских традиций, так и собственно славянских. Основным скандинавским элементом, заимствованным из их обрядности, является сидячее положение костяка. В славянской среде такое положение сохраняется, однако привносится своя традиция – сооружение камеры происходит не в материковой поверхности, а на горизонте или подсылке. В ряде случаев камеру подменяют теремки, сохраняющие те же размеры.

4. Отражением статуса умершего в местной среде может выступать сам погребальный обряд, чему на первый взгляд противоречит отсутствие «элитарных» находок. Таким образом, существует вероятность соотношения погребенной в Студенке радимичанки с представителями местной социальной элиты.

5. Погребения в сидячем положении на территории Могилевского Поднепровья и Посожья достоверно зафиксированы в пяти могильниках. В пределах исследуемого региона все памятники расположены на правобережье Днепра, на территории расселения племен дреговичей и в одном случае (могильник Дымово) кривичей. Лишь в двух женских погребениях обнаружены этноопределяющие артефакты. В одном из сидячих погребений у деревни Эсьмоны была обнаружена дреговичская зерновая бусина, в исследованной мною насыпи курганной группы у деревни Студенка погребенную украшали радимичские рыбовидные подвески. Данное обстоятельство свидетельствует о проникновении представителей радимичского племенного союза до 20 км на правобережье Днепра, территорию, заселенную дреговичским племенным союзом. Такое проникновение могло произойти вследствие локального переселения или же по причине брачно-семейных процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Копытин, В.Ф. К истории археологического изучения Могилевщины в дореволюционное время // Могилёўшчына. Вып. VI. – Могилев, 1995. – С. 3 – 11.
2. Копытин, В.Ф. Археологические памятники Быховского района Могилевской области / В.Ф. Копытин. – Могилев : Изд-во МГУ им. А.А. Кулешова, 1995. – 177 с.
3. Фурсов, М.В. Дневник курганных раскопок, проведенных по поручению летом 1892 года в 5 уездах губернии / М.В. Фурсов, С.Ю. Чоловский // Памятная книжка Могилевской губернии на 1893 год. – Могилев. – С. XXV – LIII.
4. Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1889 г. – СПб., 1892. – 120 с.

5. Чоловский, С.Ю. Дневник раскопок, проведенных старшим чиновником особых поручений при Могилевском Губернаторе Сем. Юл. Чоловским / С.Ю. Чоловский // Памятная книжка Могилевской губернии на 1893 год. – Могилев. – С. LIV – LXXXIII.
6. Романов, Е.Р. Археологические разведки в Могилевской губернии / Е.Р. Романов. – Вильна, 1912. – 31 с.
7. Сербай, І.А. Аб выніках архэалёгічных дасьледваньняў каля Нова-Быхаву і на сярэднім Сожы / І.А. Сербай // Працы Першага Зьезду Дасьледчыкаў Беларускае Архэалёгіі і Архэаграфіі. – Мінск, 1926. – С. 17 – 19.
8. Дубінскі, С.А. Доследы культур жалезнага перыяду па Віцебшчыне, Магілёўшчыне і Меншчыне / С.А. Дубінскі // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Кн. 5. Працы катэдры архэалёгіі. Т. 1. – Мінск, 1928. – С. 275 – 284.
9. Соловьёва, Г.Ф. Отчет о работе Радимичского отряда Приднепровской экспедиции Института археологии АН СССР за 1965 год / ФАНД ЦНА НАН Беларусі. – Арх. № 254.
10. Соловьёва, Г.Ф. Раскопки курганов в Белоруссии / Г.Ф. Соловьёва // Археолог. открытия 1965 г. – М., 1966. – С. 152 – 154.
11. Риер, Я.Г. Исследования в Могилевской области / Я.Г. Риер // Археолог. открытия 1975 года. – М., 1976. – С. 424 – 245.
12. Риер, Я.Г. Исследования у г. Чаусы / Я.Г. Риер // Археолог. открытия 1977 года. – М., 1978. – С. 423 – 424.
13. Риер, Я.Г. Курганы у г. Чаусы / Я.Г. Риер // Магілёўшчына. – Вып. 3. – Магілёў, 1992. – С. 33 – 34.
14. Риер, Я.Г. Некоторые вопросы развития феодальной деревни Могилевского Поднепровья в X – XIV веках / Я.Г. Риер // Древности Белоруссии и Литвы. – Минск, 1982. – С. 137 – 144.
15. Риер, Я.Г. Сельское общество Могилевского Поднепровья X – XIII вв. По археологическим данным : моногр. / Я.Г. Риер. – Могилев : УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2010 – 176 с.
16. Риер, Я.Г. Изучение курганов в Могилевском Поднепровье / Я.Г. Риер // Сов. археология, 1976. – № 2. – С. 179 – 191.
17. Марзалюк, І.А. Археалагічныя дасьледванні курганнага могільніка Усход у 2008 г. / І.А. Марзалюк // Романовские чтения – 6 (к 75-летию истор. фак-та УО «МГУ им. А.А.Кулешова») : сб. статей междунар. науч. конф. – Могилев : УО «МГУ им. А.А.Кулешова», 2010. – С. 47 – 50.
18. Валодзіна, Т.В. Семантыка рэчаў у духоўнай спадчыне беларусаў / Т.В. Валодзіна. – Минск, 1999. – 167 с.
19. Шапова, Ю.Л. Стекланные бусы древнего Новгорода / Ю.Л. Шапова // Тр. Новгород. археолог. экспедиции // МИА. – М., 1956. – Вып. 55. – С. 164 – 179.
20. Лесман, Ю.М. О сидячих погребениях в древнерусских могильниках / Ю.М. Лесман // КСИА. Вып. 164. – 1981. – С. 52 – 58.
21. Лесман, Ю.М. Скандинавский компонент древнерусской культуры / Ю.М. Лесман // Stratum plus. – Кишинев, 2014. – № 5. – С. 43 – 93.
22. Лесман, Ю.М. Квазикамерное погребение в могильнике Струйское на Верхней Волге и проблема происхождения древнерусских сидячих погребений / Ю.М. Лесман // XIII конф. по изучению истории, экономики, лит-ры и языка сканд. стран и Финляндии. – М. – Петрозаводск, 1997. – С. 180 – 183.
23. Моця, А.П. Население Среднего Поднепровья IX – XIII вв. (по данным погребальных памятников) / А.П. Моця. – Киев, 1987. – 168 с.
24. Жарнов, Ю.Э. Женские скандинавские погребения в Гнездове / Ю.Э. Жарнов // Смоленск и Гнездово. – М., 1991. – С. 200 – 225.
25. Михайлов, К.А. Детские погребения в некрополе первых древнерусских городов // К.А. Михайлов / Археологические вести. – СПб., 2010. – № 16. – С. 151 – 159.
26. Мусин, А.Е. Скандинавское язычество на Востоке по данным археологии: общее и особенное // А.Е. Мусин / Рос. археологический ежегодник. – СПб., 2012. – № 2. – С. 555 – 602.
27. Заяц, Ю.А. Завершение восточно-европейской эпопеи принца Эймунда, или Варяги на юго-восточной окраине Полоцкой земли в первой половине XI в. / Ю.А. Заяц // Матэрыялы па архэалёгіі Беларусі. – Мінск, 2013. – Вып. 24. – С. 28 – 33.
28. Тодорова, А.А. Бусы как элемент женского костюма эпохи формирования Древнерусского государства (предварительное исследование) [Электронный ресурс] / А.А. Тодорова. – Режим доступа : <http://www.ladogamuseum.ru/litera/pub171/> – Дата доступа : 24.11.2014.
29. Шапова, Ю.Л. Украшения из стекла / Ю.Л. Шапова // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. – М., 1997. – С. 89 – 93.
30. Михайлов, К.А. Древнерусские элитарные погребения X – начала XI вв. (по материалам захоронений в погребальных камерах) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 / К.А. Михайлов; ИИМКА РАН. – СПб., 2005. – 26 с.
31. Мусин, А.Е. Кораллы в христианской культуре Восточной Европы и Средиземноморья / А.Е. Мусин // Рос. археолог. ежегодник. – СПб., 2012. – № 4. – С. 366 – 387.
32. Войтехович, А. Курганные могильники в районе поселенческого комплекса на р. Менке / А. Войтехович, С. Дернович // Гістар.-археалагічны зб. – Мінск, 2014. – Вып. 29. – С. 300 – 306.
33. Михайлина, Л.П. Словяни VIII – X ст. між Дніпром і Карпатами (райковецька культура) : автореф. дис. ... док. истор. наук : 07.00.04 / Л.П. Михайлина ; ИА НАН України. – Київ, 2008. – 31 с.
34. Рыбаков, Б.А. Нестор о славянских обычаях / Б.А. Рыбаков // Древние славяне и их соседи. – М., 1970. – С. 40 – 45.
35. Повесть временных лет по Ипатскому списку. Издание Археологической комиссии. – СПб., 1871. – 195 с.

36. Рыбакоў, Б.А. Радзімічы / Б.А. Рыбакоў // Працы секцыі археалёгіі. Т.ІІІ. – Менск : Ін-т гісторыі, Бел. акад. навук. 1932. – С. 80 – 151.
37. Очерки по археологии Белоруссии. Ч. II / под ред. Г.В. Штыхова, Л.Д. Поболя. – Минск : Наука и техника, 1972. – 248 с.
38. Седов, В.В. Восточные славяне в VI – XIII вв. / В.В. Седов. – М., 1982. – 328 с.
39. Лысенко, П.Ф. Дреговичи / П.Ф. Лысенко. – Минск : Наука и техника, 1991. – 244 с.
40. Богомольников, В.В. О находках из Вотни на Днепре / В.В. Богомольников, Т.В. Равдина // Сов. археология. – 1979. – № 2. – С. 207 – 213.
41. Романов, Е.Р. Археологические разведки в Могилевской губернии / Е.Р. Романов // Записки Сев.-Зап. отдела Рус. географ. общ-ва. Кн. 3. – Вильно, 1912. – С. 33 – 63.
42. Отчет Императорской археологической комиссии за 1905 год. – СПб., 1908. – 151 с.

Поступила 26.05.2015

THE "SITTING" BURIALS OF THE MOUND NECROPOLIS OF MOGILEV IN EASTERN EUROPEAN CONTEXT

A. AVLASOVICH

In the article the phenomenon of the sitting burials in Mogilev is touched upon. We study the problem of the origin of the ritual in this territory, as well as its social and cultural context. The archaeological researches show that this position is inseparably connected with inner wooden constructions. The analysis of these two aspects in this ritual suggests the synthesis of Slavic-Scandinavian cultural traditions. On the basis of the archaeological studies of the mound number 58 in the village Studenka, Bykhovskiy district, the author reconstructs the burial tradition for female in a sitting position. The comparative analysis of complexes with the "sitting" bone in the necropolis of the X - XII centuries in Scandinavian Eastern Europe allows us to make conclusions about the social status of the deceased. Another aspect of the study is dregovichy and radimichy border within the region. Archaeological data acknowledge the territorial interpenetration of two representatives of the East Slavic tribal unions for a few dozens of kilometers.